

Притворись нашей мамой. Дочери

Автор:

Регина Янтарная

Притворись нашей мамой. Дочери

Регина Янтарная

Коварное наследство отняло у Наташи право распоряжаться собственной жизнью! Случайная встреча с Амиром возвращает ей веру, дает надежду вернуться. Но дорога домой оказывается длиною... в жизнь. Эмоции на грани, сложные отношения, brutальный отец трех дочерей, нежная ранимая героиня, забавные дети, «золотая» наследница Наташа, тайны и интриги, семья Удальцовых. Книга вторая.

Регина Янтарная

Притворись нашей мамой. Дочери

Глава 1

Чанышев Амир и Наташа Удальцова (Лейла)

Вновь созданный мир рушится у меня на глазах...

Два дня пришлось морочить дяде голову, делать вид. Изображаться, с пеной у рта доказывать, что не в курсе в каком направлении сбежала «золотая» рыжая девчонка.

Друзья прикрыли.

Дядя поверил.

С лёгким сердцем возвращаюсь домой.

Уже на подходе, во дворе, заподозрил неладное, обнаружив калитку, распахнутую настежь.

– Не припомню ни одного дня, когда бы лампочка не горела во дворе. С какой радости она перегорела именно сейчас, когда в доме появился новый житель?

Если только... Сердце набирает обороты, пульс стучит так громко, что отдается в висках.

Врываюсь в дом, большими шагами преодолеваю расстояние до дверей собственной спальни. Включаю в комнате свет. Пусто.

Не может быть! Касаюсь пальцем прикрытого окна, с готовностью распахивается без дополнительных усилий. Свежий ветерок обдаёт мое уставшее лицо.

Злость топит меня.

В собственном доме живут предатели, не выполняющие мою волю.

Широким шагом направляюсь в комнату, где живут мать со старшей дочкой Лилией.

Безжалостно включаю свет.

– Пожар! Встаём! – рычу громко.

Как по команде открывают глаза, недовольно хлопают ресницами.

– Пожар! Ой! Детей буди, – причитает мать.

– Сиди. Нет пожара. Лейла сбежала. Кто из вас помог ей? Калитка, свет во дворе, окно в комнате? Кто пособник?

Обе опускают глаза в пол, молчат.

– Как тебе не стыдно? Мама! Чему учишь детей? Неповиновению собственному отцу?

– Я не виновата, – шепчет мать и по щекам бегут слезы. – Дожила, собственный сын унижает меня ради потаскушки.

– Не смей так говорить о На.., – вовремя осекаюсь, – о Лейле!

– Она не Лейла! Она не может носить это имя! – неожиданно взрывается дочь, бежит ко мне, падает передо мной, обхватывает мои колени тонкими руками, плачет навзрыд.

– Папочка, пусть она идет в город. Она нам не нужна! Пожалуйста, проживем без неё!

– Значит, это ты!? Разочаровала отца, – я зол, меня бомбит. Но понимаю, что рядом со мной не враг, а моя собственная дочь.

Моя кровь и плоть.

Мой ужасный, упрямый характер.

Друзья в шутку зовут меня Упоротым. К сожалению, дочь унаследовала эту дурную черту.

Если двойняшки Зехра и Зухра – копии матери – мягкие, нежные, уступчивые, женственные. Одним словом, настоящие девочки-девочки. То старшей было бы лучше родиться мужчиной, воином. А так намучается с ней будущий муж.

Гляжу на дочь, постепенно мое сердце согревается. Глажу ее по голове, поднимаю на ноги.

– Лиля, послушай, Лейла не замена твоей матери. Я не предаю ее память, по-прежнему люблю. Но нам надо жить дальше. Слышишь меня? Мама никогда не вернётся...

– Никогда? – слабый шепоток у меня за спиной. Оборачиваюсь. Там застыли темноволосые малышки.

– Никогда, – впервые признаюсь им. – Никогда...

Во дворе хлопает калитка. Вскидываю глаза на окно.

– Будьте здесь, – выбегаю во двор. Замираю, встречаясь взглядом с ней... с моей новой Лейлой.

Дышать нечем. От переполняющих эмоций спёрло в груди, ком застрял в горле.

Чувствую за спиной сбившееся дыхание Лили и матери. Понимаю, что не должен показывать им, как сильно счастлив возвращению беглянки.

– Ваша? – интересуются мужчины.

– Моя... Спасибо, что нашли. Сочтёмся, – пожимаю мужчинам руки. С чувством выполненного долга, уходят прочь.

– Лейла, я же просил не выходить из дома одной. Если бы потерялась?.. – в моём голосе столько боли, что девушка озадаченно глядит мне в глаза, явно не понимая, ругаю я ее или горько сожалею. Если бы потерялась, я бы страдал, – заканчиваю фразу у себя в мыслях.

Бросаю колкий взгляд через плечо. Мать с дочкой тут же исчезают за дверями дома, оставляя нас одних.

– Наташа, – шепчу девушке в ухо. – Что ты натворила? Если бы тебя нашли люди дяди Акима? – И забрали у меня, продолжаю фразу мысленно.

От моей Лейлы так вкусно пахнет, не выдерживаю, покусываю мочку ее уха. Девушка дергается, выставляет руки вперед, но я лишь прижимаю ее к себе крепче.

Сносит башню от ее запаха и близости.

– Наташа, – шепчу ей в губы мантру, сводящую меня с ума. Ее губы в опасной близости. Проигрываю самому себе – целую желанные губы девушки.

Горячо, жарко и влажно. Еще глубже и совсем перестану соображать.

Наташа вовремя вырывается.

– Прекрати! Мы так не договаривались!

– А как? – непонимающе гляжу на контуры ее красивого лица в темноте.

– Я твоя вторая жена. Не всерьёз. Когда всё закончится, ты меня отпустишь...

– Отпущу... тебя? Воровку? Вместе с краденным?

– Воровку? – голос девушки дрожит.

Снова надвигаюсь на нее, ловлю за руку. Засовываю ее руку себе под свитер. Нежные женские пальцы касаются моей голой груди.

– Ты украла мое сердце. Как же ты сможешь уйти?

– Не смейся, – голос Лейлы светлеет, в нем появляются игривые нотки, они царапают мой слух, вызывают бурю угасших со смертью жены желаний.

– Куда уж там!

Стоим с девушкой посреди двора, слушаем равнодушную тишину.

– Ты до сих пор любишь жену? – неожиданно спрашивает моя рыжая малышка.

Внутри меня всё замирает. То тут, то там рождается всплеск эмоциональных волн, подслушиваю собственные мысли. Ловлю как щуку за хвост.

Вот он, тот самый всплеск в глубинах мыслей. Океан памяти наполнен любовью к моей первой Лейле, безграничным уважением к матери моих детей.

Осторожно ощупываю пространство – между первой Лейлой и второй нет ни одной женщины. Щемящая гулкая пустота.

– Молчание – знак согласия. Значит, любишь! – констатирует глухо Наташа, и выдирает свою теплую ладонь из моей. – Я не встану на пути между вами. Мне нужен только мой мужчина, преданный мне одной. Хочу, чтобы меня любили так же безгранично, как мой папа любил маму!

Девушка отворачивается от меня, расправляет плечи, заходит в дом.

Остаюсь один. Наедине с самим собой и сетью... в которую меня поймала Наташа. Животный страх потерять её пронзает мое тело.

Не могу! Не хочу! Не отпущу!

Одиннадцать лет назад

Злата Чайкина. Мать Наташи

Приезжаем в ЗАГС. Выходим из машины, направляемся к дверям учреждения.

– Мамочка, невесты в белых платьях, а мы в красных? – Алёнка крутит белокурой головкой по сторонам, глядит с нескрываемым восторгом на восхитительных невест в пышных нарядах.

Смотрю в голубые глаза пятилетней дочурки. В них отражается небо, и грустить совсем не хочется. Несмотря на то, что сейчас мое сердце разорвано на две равные половины.

Ловлю хрупкую руку малышки, улыбаюсь ей.

– Лисенок, мы с тобой особенные как драгоценные камни. Единственные экземпляры на всём белом свете! Поэтому должны отличаться от других.

Улыбашка перестает грустить, лыбится. Вижу, что она мне верит. Не потому, что я взрослая, а потому, что искренне любит. И половинка сердца, отданная Алёнке, громко, радостно бьется, отвечая взаимностью.

Вторая половинка сердца, принадлежащая Наташе, заходится в истошном крике: – Дочка! Где ты? Почему не со мной?

Как же я хочу, чтобы обе дочери сопровождали меня к алтарю.

Хочу... Этим всё сказано. Даже мой будущий муж – Демид не в состоянии сейчас помочь. Между нами с Натой пролегают километры чужих земель, жадных до денег нелюдей, гектары ненавистных приисков.

Бросаю взгляд за спину – Демид Удальцов вышагивает за нами вальяжной походкой. Смотрит с нескрываемой гордостью на нас.

Его небесный взгляд так и кричит: – Горжусь моими девочками... в нелепых ярких трикотажных платьях!

Понимающе улыбаюсь, и любимый ловит мою улыбку.

Дочь крутит головкой по сторонам. Глядит с нескрываемой завистью на огромные семьи с детьми.

– Мамуль, ты никогда не оставишь нас с папой?

– Алёна, милая, я Вас люблю! Куда же я денусь?

– Поклянись! – дочка трепет подол моего платья.

Останавливаюсь, присаживаюсь перед дочерью, глажу ее по спине.

– Зайчонок, дай мизинчик.

Протягивает крохотную ладошку, беру в свою. Глажу. Тепло дочери проникает под кожу. Сцепляю наши мизинцы.

– Клянусь, что всегда буду твоей мамой!

Вера расплзается счастьем по голубой неоновой радужке Алёнки.

Целую малышку в бархатную щеку.

– Пойдём...

Через десять минут подходит наша очередь. Входим торжественно в зал, где состоится наша церемония бракосочетания.

Как у девчонки коленки трясутся. Нервничаю ужасно.

Бросаю тревожный взгляд на будущего супруга. Вижу, что чувствует себя также как я – едва живой от переживаний, бурлящих в нем эмоций.

Еще недавно заносчивый московский сноб – майор не предполагал, что я – Злата Чайкина стану ему женой и мамой не только для его дочери, но и для другого маленького чуда, только начинающего жить. Незаметно касаюсь плоского живота.

– Ты – потрясающая красивая женщина! – шепчет майор, любясь мной.

Шутит? В красном трикотажном платье-лапше я самая нелепая невеста в мире!

Заглядываю в родные глаза мужчины, понимаю, он абсолютно серьезен. Женское счастье топит мое сердечко.

Начинается церемония. Я вся дрожу. Новый муж. Новая фамилия... окончательно отрежут меня от прошлого, с которым так тяжело расстаться. В нем было так много хорошего, дорогого. И я не готова отпустить и забыть так просто...

Напрягаюсь как пружина, готовая распрямиться в самый неподходящий момент.

– Поздравляю, теперь вы – муж и жена, – женский голос врывается в мой мозг.

Слова «муж...жена» просачиваются через нейроны в мозг. Стучат там отбойными молотками.

Адреналин выбрасывается в кровь, несется с огромной скоростью к сердцу, проникает в него словами «муж...жена».

– Поцелуйте невесту...

Теплые губы любимого ложатся на мои. Отвечаю взаимностью.

Внутренняя пружина во мне распрямляется и меня медленно отпускает. Ничего плохого не происходит. Наоборот. Чувствую, моя жизнь определенно входит в белую полосу. И не собирается менять свой цвет.

Скоро я верну себе Наташу.

Стану хирургом.

Рожу Удальцову сыночка.

Возьмем ипотеку, построим большой загородный дом, куда переедем всей семьей: я, Демид, Наташа, Алёна, сыночек.

Мы заслужили счастье!

Единственное темное пятно, омрачающее нашу жизнь – это работа Удальцова. Может, забота о сыне отвлечет его от Серого? Майор сходит с ума, думая о нем.

Сейчас, когда Алёна полностью на мне, Демид уделяет работе слишком много времени!

Ловлю себя на мысли, что я как и его первая жена Света, начинаю бороться с реальной неодушевленной соперницей, мешающей нам нормально жить.

Не думала, что будет сложно не ревновать мужа к работе.

– Золотой, что-то не так? Морщишься, смотришь на меня странно...

– Всё нормально.

И всё же нет. Мы обманываем друг друга. Вот и взгляд Дема потемнел. Он тоже сейчас под воздействием фантомной боли. Его взгляд отсутствует, будто смотрит на невидимый экран другой жизни... Серый, подельники, свидетели, зацепка...

Улыбаюсь, защищаясь от боли, когда вижу свое незримое немое кино, которое мне показывают мои личные демоны... пещера, Олег, Наташа, Израиль, проклятое наследство...

Алёничик вкладывает теплую крохотную детскую ладошку мне в руку. Замираю. Цепенею. Вот оно – мое сокровище, моя жизнь.

В маленькой сумочке вибрирует мобильник. Встряхиваю рыжими кудряшками, достаю трубку.

– Алло!

– Мама...мамочка!

– Наташенька! Доченька! Скажи, где ты, я приеду сегодня же!

В зале виснет немая тишина.

По лицу бегут жгучие слёзы. Глотаю их солеными губами снова и снова.

Алёнка недоуменно бьет меня кулачком в бок.

– Я твоя дочка! Я! У тебя не может быть других!

– Малыш, – Демид пытается оторвать от меня белокурую малышку с огромными голубыми глазами, наполненными крупными слезами.

– Наташа, милая, как ты себя чувствуешь?

– Мама, я очень-очень по тебе соскучилась. Ты выздоровела? Когда приедешь ко мне?

Выздоровела? Олег сказал дочери, что я больна?

Захлебываюсь в слезах бессильного отчаяния. Что сделано, то сделано. Что сказано, что сказано. В тысячный раз убеждаю себя в том, что Олег и Влад поступили правильно. Убеждаю мозг словами, но сердце в тысячный раз отказывается признавать их правоту!

Спиной чувствую, гости покидают зал.

– Ты, моя мама! Ты поклялась, что не бросишь меня, – рыдает Алёнушка на руках у Демида.

– Доченька, – протягиваю руку к маленькой ладошке второй новой доченьки. – Я тебя люблю и не брошу.

Сердце рвется в клочья. Как больно от того, что я причинила боль Алёнушке.

– Мама, с кем ты говоришь? У тебя есть другая дочь? – в интонации Наты слышу высокие ревнивые нотки.

– Наташенька, всё объясню при встрече.

Плачет в трубку. Раздается шорох. Кто-то забирает у нее телефон...

– Злата, – в голосе Олега звучат стальные нотки. – Прилетай сегодня! Одна! Сейчас же езжай в Шереметьево, тебя там встретят. Паспорт не забудь...

Отбой. В трубке виснет тишина. Раздаются гудки.

Невидящими глазами смотрю на мужа. Трясущимися руками верчу обручальное кольцо на пальце.

Зацеловываю зареванное Алёнкино лицо.

– Зайчик, мой, как ты могла так подумать? Мама никогда не предаёт своих деток. Не бросает!

Глава 2

Злата

– У нас проблема, – шепчу мужу на ушко, стараюсь, чтобы «чертенок», лежащий на наших с мужем коленях, ничего не услышал, не устроил нам ад. – Мы не отправимся в ресторан с гостями, придется им гулять без нас.

Светлые глаза мужа недоуменно смотрят на меня, брови ползут вверх.

Свадьба без жениха и невесты, это как свадебный торт, не увенчанный фигурками молодоженов. Понимаю, но ничего поделать не могу. Обстоятельства сильнее нас.

– Надо срочно ехать в аэропорт Шереметьево, меня там уже ждут.

– Тебя? – Демид злится.

– Олег дал четко понять, что ты не нужен, – говорю, и сердце обливается слезами.

Взгляд новоиспеченного мужа мутнеет.

– Злата, я женился на тебе, зная, что ты дерзкая, необузданная, избалованная деньгами. На мгновение показалось, что ты изменилась, – запинаясь, подбирая слова. – Получается, ты обманула не только меня, но и её, – гладит маленькую светлую головку.

Дочка устала плакать, притихла, прикрыв глазки.

Засовываю пальчики ей за воротник, щекочу её. Не реагирует.

В мои планы абсолютно не входило беспокоить новую семью, нервировать, показывая, что я кого-то люблю больше, кого-то меньше. Всех люблю, но по-разному. Хочу, чтобы дочери и муж были счастливы.

Сейчас понимаю, что придется учиться совмещать прошлое и будущее.

Усиливаю щекотку, дочка брыкается, открывает глазки.

– Едем на море? – интересуюсь у нее.

Вздрагивает, поднимается, недоверчиво смотрит на нас обоих.

– Заедем домой, соберем чемоданы, возьмем паспорта, махнем в аэропорт, – шепчу я, улыбаясь принятому решению.

Я не должна позволять Олегу контролировать свою жизнь. Лично мне он никто! Мужчина, продавший наши чувства за форелевую ферму. Почему Слава оформил опеку над дочерью на него, не рассказав мне, для меня до сих пор остается загадкой.

Ровно через три часа уже стоим с чемоданами и паспортами в центре аэропорта.

Верчу головой по сторонам.

Стоим уже битый час, нас никто не замечает.

Первой ломается Алёнка.

– Мамуль, еще долго?

– Нет.

– А теперь долго?

– Нет.

Голубоглазик поворачивается ко мне каждую минуту, и я уже вскипаю.

– Какого черта? Почему никто не подходит! – выхватываю из кармана трубку, набираю единственный забитый в ней номер.

– Да, – отвечает неохотно трубка голосом Олега. – Послушай, где твой человек? Торчим здесь час! Ребенок голодный, уставший, – наблюдаю, как Алёнка доедает очередной кекс, запихивая его себе за обе щеки.

– Почему не одна? – цедит яростно бывший.

– Потому что я замужняя женщина, обещавшая мужу и дочери медовую неделю на море!

– Да-а?! – молчит, чего-то высчитывает в уме. – Хорошо, сейчас полетите.

Через пятнадцать минут к нам подходит мужчина в форме летчика.

Идем за ним. Пересекаем ВИП зону, регистрируемся на частный рейс.

– Птичка! – звонкий голос Алёны обращает мой взор к окну. Огромные крылья белоснежного лайнера распростерлись перед нашим взором.

Выходим на улицу, направляясь к небольшому самолету. На улице прохладно. На город уже опустилась ночь. Бросаю заботливый взгляд на дочь. Я как чувствовала, что грядет похолодание, одела ее тепло – свитерок, джинсы, куртка, шапка.

– Мы полетим на этой птичке? – звонкий голосок выводит меня из раздумий.

– Похоже! – отвечает Дем.

– Ого! Мне никогда не приходилось летать на подобных! – глазею на чудо.

Белоснежная обшивка отливает и блестит даже в темноте. Лайнер бизнес класса длиной двадцать метров, с огромными крыльями нетерпеливо ожидает нас.

У трапа по стойке смирно стоит высокий улыбающийся стюард.

Поднимаемся на борт. Осматриваемся.

Шикарный салон с четырьмя креслами и двумя диванами, обитыми слоновьей кожей.

Командир экипажа уже занял место за штурвалом, его помощник связывается с наземной службой.

Стюард кружит как коршун вокруг нас. Никак не может дождаться, пока Алёна уgomонится, отлипнет от иллюминатора, сядет ровно.

– Милая, ты обещала хорошо себя вести, – напоминаю ей.

Вспоминая данное мне обещание, затихает, давая возможность стюарду застегнуть ремень безопасности.

– Дорого заплатил Олег за твой перелет, – цедит Демид. Нотки ревности просачиваются в интонации. – Арендовать подобный агрегат стоит уйму денег.

Официант широко улыбается.

– Позвольте заметить, Олег не потратил ни шекеля. Самолет принадлежит Алисе Вассерман. Все расходы она оплачивает сама.

– Алисе Васильевой? Дочке Сони Вассерман? – пульс набирает обороты.

– Вы их знаете? – в глазах стюарда сквозит печаль. – Жалко Соню и мужа. Погибли в автокатастрофе. А девочке повезло с опекуном и попечителем в лице Олега.

Сердце падает под ноги.

Смотрю в упор на мужа. Неужели он не находит эту историю странной? Соня погибла? Как так?

Нет, не находит. Спокойно смотрит кино, пьет коктейль.

Успокаиваюсь тоже. Убеждаю себя в том, что всё идет по плану. Жизнь прекрасна. Я счастлива до небес, что скоро увижу дочь. Коктейль эмоций переполняет.

Беру Алёну за руку, крепко держу, пока самолет набирает высоту. Она пучит без того огромные глаза, глядя на крыло самолета.

Разбег, взлет. Мы на пути в жизнь с новым неизвестным.

Что нас ждет? Пока неясно. С каждой минутой тревога усиливается.

Какая она теперь моя девочка? Целых два года разлуки. Уверена, что всё изменилось для нас обеих.

И всё же она – моя малышка, ушедшая в море два года назад.

Что нас ждет?

Глава 3

Три месяца назад. Сочи

Злата Чайкина

Прикрываю глаза, проваливаясь в прошлое. Снова прокручиваю в голове то, что произошло три месяца назад в Сочи...

Яркое солнце врывается во тьму. Лучи его прожекторами освещают путь на свободу из водного плена. Мы выбираемся из затопленной пещеры!

Щурюсь от яркого солнца. Ошалевшая от счастья, падаю на землю. Вдыхаю свежий воздух, и приятно кружится голова.

Демид и Олег садятся рядом со мной.

– О каком жучке идёт речь? – цедит майор, прожигая наглым взглядом лицо Олега.

– Я приехал в Сочи, чтобы Злата не наделала глупостей, – признаётся бывший.

– Что? – толкаю его в плечо.

– В поисках правды ты могла накликать на себя беду. Слишком большие люди и деньги стоят по ту сторону правды.

– Какие деньги? У меня ничего не осталось!

– Ты так думаешь! Видишь ли, Слава был прав, когда устранил тебя с дороги. Только поэтому ОНИ не тронули тебя. Благодаря этому ты жива и здорова. Мы с ним вместе обмозговали, как поступить с тобой. Вместе приняли лучшее решение...

– Кто они? Зачем меня трогать? Кто пригласил меня в пещеру? И когда ты успел подружиться с моим мужем?

– В пещеру тебя заманила Ольга, – с гневом выдыхает Олег. – Боялась, что ты отнимешь у неё новую жизнь...

– Моя родная сестра пыталась меня убить? – слов нет, злость переполняет грудь, не умещается там, стремится вырваться наружу. – Как я могу помешать ей жить?

– Отнимешь то, что теперь принадлежит ей.

– Что?.. – теряю терпение.

– Землю и дочь.

– О какой земле идёт речь? И зачем мне ваша Лера?

– Слава успел перед смертью купить золотой участок. Он переписал его на Алису Васильеву. И пришёл ко мне...Это было накануне его смерти. А на следующий день мы сразу уехали.

– Кто такая Алиса Васильева?

Демид переводит удивлённый взгляд с меня на Олега и обратно.

– Какого чёрта происходит в вашем королевстве?!

Я лишь хлопаю глазами, жду ответ...

– Какая Алиса Васильева? Когда и на какие деньги Слава купил золотиносный участок? Почему не рассказал мне! – у меня миллион вопросов к человеку, которого здесь нет, приходится искать ответов у Олега.

– Славка пришёл накануне смерти. Рассказал, что нашёл крупную золотую жилу, договорился о выкупе участка. Хозяин земли – приезжий, построивший на ней крутую виллу, не знал секрета. Как оказалось позже, двое местных авторитетов-бизнесменов знали и неплохо там кормились.

Слава заложил в банке завод, плюс занял у местного бизнесмена. Да, того самого, который потом забрал у тебя завод. На вырученные деньги купил участок.

И тут началось самое интересное... Ему начали угрожать. Сначала запугали до инфаркта отца Славы, затем ночью прямо у вас в доме, пока вы спали, отравили собаку.

– О боги! – я нервно кусала ногти. – Весь этот ужас творился в нашей жизни, а муж молчал? Вот, почему последний месяцечно он был на нервах.

А я ещё лезла к нему со своими мелкими проблемами!

– Но апогей наступил накануне, когда аноним предупредил Славу о том, что если он не отдаст землю, то убьют дочь и жену. Вот тогда твой муж пришёл ко мне. Нужно было действовать. И тут я вспомнил одну историю. У моей матери в Израиле живёт родственница Соня Вассерман, Васильева по мужу. Увидели они передачу на первом канале, и решили удочерить девочку из Воронежского детского дома. У этой девочки была сестренка – двойняшка, которая пропала в детстве. Ну, так бывает, когда родители непутёвые. Задела их эта история за живое.

Я переводила удивлённый взгляд с Демида на Олега, не понимая, к чему Олег ведёт этот странный монолог.

Удальцов дал знак рукой, чтобы я не перебивала говорящего. Вдруг передумает признаваться в содеянном.

– Мы со Славой тут же решили провести многоходовку. В результате двойняшка по документам тут же нашлась и ожила. И зовут её Алиса. Валерию – её сестру удочерили мы с Ольгой, а Алису удочерила Соня Вассерман, она же хозяйка золотonosного участка. А наследница её Алиса. Девочка живет сейчас со своей родной бабкой в Израиле.

Олег замолчал и уставился на меня.

– Твою мать! – выдохнул Демид и взял меня за руку.

Меня всю заполняет чувство, которое я даже не знаю, как называется. Такого просто не существует в природе. Наверное, подобные эмоции подвластны только мамам, носившим девять месяцев под сердцем своего малыша.

Окунаю Олега негодующим испепеляющим взглядом. В моей душе бушует огонь ненависти.

– Злата, ты поняла, что я говорю? – обеспокоенно спрашивает бывший. – Наташа жива!

Злость не тлеет, она только нарастает. Мои нервы завязаны в тугой узел. Но я бессильна изменить ситуацию.

– Какой же ты жестокий! – цежу я зло, – поэтому я полюбила Славика. Он был сильный, а ты жалкий! Повёлся на деньги, сделал мою дочь своей заложницей! Вы на пару с женой доите мою малышку, живёте всей семьёй за её счёт. Марго – бессовестная гадина, не побрезговала использовать маленького ребёнка! Да, если бы Слава был жив, он бы убил тебя! – бросаюсь с кулаками на бывшего.

– Ты спятила! В чём ты меня обвиняешь? Как я могу использовать собственную дочь?

От обвиняющего взгляда Олега на душе становится мутно.

Бросаю взгляд на Демида, он тоже будто обвиняет меня в чём-то.

Дышу глубоко. Меня скручивает от злости так, что не могу говорить.

– Что ты говоришь?

– Наташа – моя дочь! Только не говори, что ты не догадывалась. Едва девочка родилась, как Слава сделал анализ. И мы оба знали правду...

– Глупости, – мямлю невнятно. – Муж бы мне сказал... Слава любил дочку как родную. – Перед глазами стоят муж с дочкой. Их улыбка, смех поглощают меня полностью. Не хочу приходить в себя, расставаться с ними.

– Наташа – моя дочь! Поэтому я решил её судьбу. И твою! Мы отвели от тебя все подозрения. Ты вела себя очень по-настоящему, никто, ничего не заподозрил! – повторяет Олежек, смотрит на меня как на глупую особь, будто я не понимаю русского языка.

Съёживаюсь вся, сжимаюсь как маленькая несчастная пружинка, сломавшаяся в большом механизме.

В какой-то момент становится невыносимо, в голове полный кавардак. Не могу разобраться в произошедшем.

– Слава тоже жив? – спрашиваю трясущимися губами.

– Слава умер! – Олег жестко выводит меня из нирваны. – Он поехал на встречу без документов. Хотел договориться с ними, чтобы они заплатили за участок хотя бы половину. Чайкин хотел вернуть кредит в банк, забрать из залога завод. Я предлагал ему помощь, но он отказался. Не хотел, чтобы те вышли на меня и на дочь. Всё должно было выглядеть по-настоящему.

Падаю безвольно на колени.

Мне сказали, что муж пропал без вести два года назад. Но в глубине души я всегда надеялась, что когда-нибудь откроется дверь, и войдёт Славка. Скажет: «Привет, мои любимые Кудряшки».

Чтобы не встречаться с мужчинами взглядом, смотрю себе под ноги. Воспоминания поглощают мою сущность. Морской запах въедается в нос, а воспоминание – в мозг. Не могу справиться с собой, проваливаюсь в прошлое.

Вижу, чувствую, осязаю, слышу Славу. Перед глазами стоят наши с ним прогулки. Вспоминаю беседы, поцелуи...

«Ты моя любимая! Самый дорогой для меня человек. Ты лучшая. Я таких как ты не встречал. Ради тебя пойду на всё!»

После рождения Наташеньки Слава носил меня на руках. «Ты слишком ценна. Настоящая любящая женщина и мать. Я не позволю тебе страдать. Никогда!».

Глубоко погружаюсь в эмоции прошлого. Всё будто происходит со мной здесь и сейчас.

И я впервые понимаю, что это неправильно! Нельзя жить прошлым.

Я должна отправиться в неизвестное будущее.

Боль расходится яркими вспышками по разным отделам мозга и тела. В груди закручивается смерч из боли. Захлёбываюсь в прошлом... и, наконец, отрезаю умершего мужа от себя.

Больше нет смысла сдерживать эмоции. Да, и расшатанные за два года нервы дают о себе знать.

Рыдаю. Встаю на ноги. Бью Олега со всей силы кулаком в грудь.

– Как вы могли так со мной поступить? Надо было сообщить мне, что Наташенька жива!

– Да, пойми ты, наконец! – Олег виновато смотрит на меня. – Они всё это время следили за тобой, ждали развязки, – шумно вздыхает. – Прости, но Ната для меня дороже всех на свете. Я не мог рисковать.

– Ты отдашь мне дочь? – интересуюсь, едва прихожу в себя.

– Милая, это плохая идея. Пусть она живёт со мной в Израиле до совершеннолетия. А ты будешь к нам приезжать в гости.

– Мне плевать на твои чувства, отдай мне дочь! – визжу так громко, что чуть не лопаются барабанные перепонки.

– Ты хочешь, чтобы её убили?! – цедит зло.

– Нет! Я хочу, чтобы моя девочка росла сильная, здоровая, счастливая. С собственной матерью, а не с женщиной, желающей получать от моей малышки золотые самородки.

– Так отдайте им участок! – шиплю я. – Тогда не надо будет никому скрываться.

Олег ухмыляется.

– Милая, боюсь, что это невозможно! Это не только мой интерес, есть ещё люди. Ты ведь не думаешь, что там, где большие деньги, есть место эмоциям и одиночкам?

– Майор, арестуй его. Конфискуй участок и верни мне дочь! – ору на Удальцова.

Голубые глаза горят ледяным огнём.

– Золотой, Олег прав. Не надо рисковать. Если я подниму это дело, то твою дочку как наследницу похитят тут же, а тебя убьют. Я не могу рисковать вами обеими. Наташа сейчас защищена легендой, а в Москве ты привлечешь к ней внимание. Даже удочерив её как чужую девочку, ты выведешь старателей на след дочери.

Я ломаюсь под натиском убеждений двух мужчин.

– Когда смогу увидеть дочь? – бросаю в сторону бывшего.

– Не сразу. Месяца через два пришлю весточку.

Бессильно вздыхаю.

С одной стороны, я счастлива до небес, что дочь жива и здорова. С другой стороны, я несчастна вдвойне, потому что Ната недостижима...

Коктейль эмоций переполняет меня, и сейчас я хочу одного – спрятаться от всего мира.

Одно хорошо. Я отпустила прошлое, и теперь живу только будущим – встречей с дочерью.

Мы садимся в машину. Олег везёт нас в дом, где мы быстро собираем вещи.

– Пока! Я жду! – кружу взглядом коршуна по лицу Олежки.

Идём по аллее, и я чувствую, как мой затылок прожигает горячий взгляд. Останавливаюсь, оглядываюсь. Хрупкая фигурка рыжей девочки, безумно похожей на мою, возникает рядом с приемной матерью, берет ее за руку, увлекая в дом.

Выходим из ворот, на дорогу, где нас уже ждёт такси, больше не оглядываемся.

Кожу руки нещадно жжёт. Майор касается моего запястья.

– Малыш, всё хорошо. Она жива, живёт с родными людьми. И ты когда-нибудь её увидишь.

Он говорит, будто всаживает в сердце кинжал. Только сейчас до меня доходит, что я точно в такой же ситуации, как жена Демида. Моя дочь, моя кровинушка живёт не со мной, потому что отец и обстоятельства так решили.

Выдёргиваю руку из холодных рук майора.

– Демид, наше дело с вами закрыто. Дочь найдена. А значит, нам больше не по пути... Могу на вас положиться, что история о золоте не выплывет ни в одном вашем отчёте?

Голубые глаза с болью смотрят на меня.

– Я обеспечу вам безопасность своим молчанием. Вы правы, Чайкина! Вот и всё... Контракт расторгнут!

Садимся в такси. Больше не разговариваем. Прилетаем в Москву, и по отдельности уезжаем по домам.

Через неделю мы с Удальцовым понимаем, что не можем жить друг без друга. А еще я больше не хочу жить без маленькой девочки, собравшей мой мир из осколков в новый – многогранный и счастливый.

Теперь я счастливо замужем за Демидом Удальцовым, а Алена – моя дочь.

Сейчас мы летим в Израиль, чтобы забрать Наташу – мою первую дочь, которую мне пришлось оплакивать ровно два года.

Стюард объявляет посадку.

Глава 4

Аэропорт курортного города Хайфа встречает нас приветливым солнечным днем. Водитель с табличкой «Удальцовы» ожидает на улице у серебристого Мерседеса минивэна.

Уставшие, но счастливые плюхаемся во вместительный автомобиль, едем через курортный город, любуемся яркими цветущими деревьями, разглядываем с нескрываемым интересом пешеходов.

– Мама, как называется это дерево? А это? А то? – тарыхтит неугомонная дочка.

– Алёничик, не знаю. Честно. Посмотрим в интернете, когда приедем.

Отстает. Лупит глазенки в окно.

Через тридцать минут подъезжаем к белоснежному коттеджу, раскинувшись на берегу лазурного моря.

Нас уже встречают. Олег и Ольга собственными значимыми персонами. За их спинами красуется Маргарита – мать Олежки. Ее я узнала сразу по тому самому хищному взгляду.

– Добрый день, – холодно приветствую всех. Жадно осматриваюсь по сторонам в поисках той самой, которая вырвала мое сердце. Её здесь нет.

– Здравствуй, сестра, – выдавливает из себя Оля.

Киваю. Замечаю, что она выглядит расстроенной.

По взгляду Олега подмечаю, что он как обычно сердит и недоволен женой.

– Злата приехала. Какая радость! – цедит издевательски несостоявшаяся свекровь. Вздрагиваю, почувствовав угрозу в ее голосе.

Входим в большой уютный дом. Оставив чемоданы у порога, проходим за хозяевами в гостиную. Здесь раскинулись несколько диванов, посередине расположился круглый стол с угощениями.

– Красивый дом, – констатирую, усаживаясь с Алёнкой на небольшой диванчик для двоих.

– У нас всё красивое, – хвастается Ольга, сидящая на отдельном большом диване.

Ухоженная сестра поправляет светлый локон, глядит на меня неприязненно.

Тут же в комнату заглядывают две рыжие головки.

Не сразу могу их разглядеть. Вглядываюсь...

– Алиса, Лера, идите ко мне, – сестра подзывает девочек.

В ушах шумит, перед глазами пелена... Моя собственная дочь стоит в двух шагах передо мной и даже не видит меня.

– Наташа! – пытаюсь подняться, но ноги не слушаются. Делаю вторую попытку.

Девочка с рыжими локонами резко разворачивается, смотрит в упор на меня взрослыми карими глазами моей дочери.

– Доченька, – протягиваю к ней руки.

Вместо того, чтобы броситься ко мне, шарахается от меня в сторону.

Ольга стремительно поднимается с дивана, ловит обеих девочек за руки, усаживает по обе руки от себя.

Меня всю трясет. Моя сестра заслоняет от меня мою же дочь? Это неслыханно!

– Наташа, ты меня помнишь? – шепчу я.

Дочь сидит на зеленом диване напротив, скрестив руки на коленях, полностью игнорирует меня, смотрит то на Олега в ожидании команды, то на Алёнушку, изучая незваную гостью.

– Наташа, иди ко мне, – говорю мягко, показывая на свои колени.

Оцепенела, замерла, не реагирует на мои слова.

Какого черта они с ней сделали?! Я уже готова заорать, заистерить, но боюсь испугать дочерей.

Натягиваю на лицо улыбку, радуюсь Наташеньке.

Она будто не видит этого, онемела.

Бросаю на Олега вопросительный взгляд. Что вы сделали с Натой? Ее будто подменили! Неужели всё это время вы настраивали ребенка против меня. Хочется верить, что не сказали ей, будто я ее бросила?!

Бывший нагло усмехается.

Набираюсь смелости. Встаю, подхожу к дочери близко.

– Иди ко мне, – зову ее.

Из моих глаз готовы политься слезы. Терплю.

– Дочка, это я – твоя любимая мама, – протягиваю руку, беру хрупкую нежную руку Наты в свою.

Через мгновение моя рука пуста...

С удивлением разглядываю пустую ладонь. Из последних сил сдерживаюсь, чтобы не разрыдаться.

– Мамочка, – Алёнушка, кладет маленькую теплую ладошку в мою руку. Согревает мое замерзающее сердце.

– Наташа, познакомься, твоя сестренка – Алёна.

– Она мне не сестра! – Ната впервые подает голос.

Становится очень горько, но я улыбаюсь. Назло людям, сумевшим отнять у меня любовь старшей дочери – Олегу, Ольге, Маргарите. Очень больно в груди. Нестерпимо жжёт. Хватаюсь за сердце.

Глава 5

Злата

Конечно, я представляла эту встречу себе по-другому. Думала, дочь бросится мне на шею, как только войду в дом. Вместо этого моя любимая, драгоценная девочка забилась в угол дивана, спряталась за Ольгу. От кого? От меня?

В самых страшных фантазиях не могла представить, что бойкая, веселая Наташенька за два года станет необщительной. На меня смотрит маленький затравленный волчонок.

У меня есть четыре варианта ответа, объясняющие поведение дочери. Приемная мать и родной отец настроили ее против родной матери. Ревнует меня к новой семье. Не доверяет. Обижена на меня из-за «исчезновения». Олег её разбаловал,

вселил в нее веру во вседозволенность. Девочке всего семь с половиной, поэтому неправильное воспитание и лживые утверждения спокойно легли пластами на ее неокрепшую психику. Похоже, цементирование пластов в самом разгаре. А это значит, одно, если я заберу доченьку сейчас, то еще смогу всё исправить.

– Полагаю, нам пора расходиться, – Ольга встает, девочки поднимаются за ней.

Вот же дрянь! – швыряю сестре невидимые угольки за шиворот.

– Златонька, – обращается ко мне Демид. – Думаю, нам лучше переехать в ближайший отель.

Нервно кусаю губы, принимая решение. Смотрю вслед удаляющейся спине дочери, принимаю непростое решение.

– Дем, ты езжай в отель, а мы с Алёнчиком останемся здесь.

Надеюсь, в душе, что дочь поможет мне растопить холодное сердце дочери. Неожиданно вспоминаю мульт, любимый мной и дочерями.

Анне удалось растопить заколдованное сердечко любимой старшей сестры Эльзы. Значит, нам тоже удастся!

Дем недовольно щурится, подходит ближе, как только мы остаемся одни. Обнимает крепко, наклоняется к моему лицу:

– Золотой, ты уверена? Может, тебе лучше жить со мной?

– Нет, – утверждаю настырно.

Алёнушка обнимает нас обоих. Нежно касается пальчиками моей руки, заглядывает мне в глаза своими бирюзовыми. Что-то там читает только ей понятное, затем переводит взгляд на папу.

– Папуля, неужели ты не понимаешь? Мамочка хочет жить здесь! Со мной и Наташей.

От нежного прикосновения пальчиков младшей дочурки и ее добрых слов, мое сердце заходится в бешеном ритме.

Гляжу на малышку с благодарностью.

– Окей...

Вижу, что Дем удивлен не меньше моего. Муж делает вид, что целует мое ушко, сам шепчет напоследок:

– С двумя ревнующими дочерьми тебе будет бесконечно тяжело. Не забывай, пожалуйста, про нашего малыша! Не нервничай, не реагируй ни на что. Эти матрешки сделают всё, чтобы вывести тебя из себя. Держись, – гладит большой ладонью мой живот.

Целую любимого в щеку с отросшей светлой щетиной.

– Не беспокойся за меня. Я взрослая девочка, а наш дьяволенок мне поможет установить контакт.

Дем поднимает дочь на руки, кружит ее в воздухе. Она громко визжит.

А я чувствую затылком, что за нами следят из-за двери. Резко поворачиваю голову на шорох. Вижу лишь, как мелькают рыжие волосы.

Это могла быть любая из Рыжих, но я надеюсь, что Наташа.

Демид уезжает в гостиницу, мы с дочкой ужинаем одни на большой кухне.

Семья уже поела, и повторять трапезу не намерена, даже ради гостей.

– Странные здесь порядки. Не нам судить! – говорю шепотом.

Алёнка не понимает, о чем я говорю, но согласно кивает.

Моя новая любимая дочка, как же с тобой легко! Что бы я ни сказала, ты меня во всем поддерживаешь. Мамина радость...

Сердце неприятно екает, когда дочка садится ко мне на колени, обнимает меня за шею, целует в глазки.

Мы ведь точно также забрали Алёнушку. Вырвали её из сердца другой параллельной матери.

Что за судьба такая? Параллельные отцы? Параллельные матери?

Зарываюсь пальцами в мягких волосах дочки, прикрываю глаза.

Снова этот шорох. Вскидываюсь. Упираюсь взглядом в щель между дверью и косяком.

Снова мелькают рыжие волосы.

На этот раз я рассмотрела кудряшки.

Сердце набирает обороты. Всё-таки старшая дочь равнодушна ко мне.

Она меня любит.

Любит?

Любит...

– Пойдём спать. – Встаем, топаем в гостевую комнату на первом этаже, где нас поселили.

Открываем балкон, осматриваемся. Выход на внутренний двор, где раскинулся бассейн и сад. Деревья с цветами рассмотреть не удастся в темноте. Но по чудесному запаху могу поклясться, что сад прекрасен.

– Мамуль, расскажи сказку, – просит Алёнка, едва наши уставшие тела прячутся под одеялом.

– Жила бы в Авалоне наследная принцесса эльфийка Элли. Фэйри славилась неавалонской красотой. В отличие от белокурых сестер у нее были рыжие кудри и карие глаза. Эльфийка была очень богата, первая наследница Авалона! Её любили, боготворили, но пришла война, и рыжую красавицу захватил в плен король драконов Драко...

Тихое сопение известило меня о том, что дочурка уже видит во сне эльфов и драконов.

Осторожно отодвигаюсь от дочки, раскидываюсь на широкой кровати, устало закрываю глаза. Тут же проваливаюсь в тяжелый сон.

Утро наступает стремительно. Яркий солнечный свет поглощает меня и будит ... визгами.

Открываю глаза, долго смотрю на открытую дверь во внутренний двор. С трудом вспоминаю, где я. Нервно шарю по кровати рядом с собой.

Алёны нет. Худший кошмар оправдывается.

Стремительно поднимаюсь на ноги. Голова жутко кружится, отправляя меня вальсировать.

– Блин, – присаживаюсь. Считаю до десяти. Вроде отпускает. Встаю обратно. Набрасываю на себя халат, вылетаю на улицу.

У бассейна собралась вся женская половина дома.

Маргарита, Ольга, Валерия, Наталья лежат на шезлонгах. Алёнка скачет вокруг них, что-то бойко доказывает девчонкам.

Те не реагируют, хихикают.

– Боже мой! – бросаюсь на выручку младшей дочери.

В ужасе отшатываюсь, прикрываю рот ладошкой, чтобы не закричать. Лицо Алёны расцарапано в кровь.

– Да как вы посмели обидеть моего ребенка? – наступаю на взрослых женщин. – Ведьмы, куда вы смотрели?

– Ты совсем рехнулась? – вопрошает нагло Ольга, крутит пальцем у виска.

Всматриваюсь внимательно в Аленкино расцарапанное лицо, поворачиваюсь к Наташе, она смеется громче всех.

– Ты что толкнула сестру? – еле сдерживаюсь, чтобы не повысить голос. Нервы сдают капитально.

– Она мне не сестра, – Ната нагло ухмыляется, – Лера – моя сестра!

– Да как ты можешь так говорить? – нервные нотки выдают меня с потрохами моё нестабильное состояние.

Но я всё равно не опускаю рук. Поставила себе цель – объединить семью, значит, добьюсь. Пройду все сложности и преграды.

– Вы должны поладить! – цежу сквозь зубы.

В глубине души уверена, что две бесценные жемчужины должны жить вместе под одной крышей! И я сделаю всё, чтобы это произошло это как можно раньше.

– Что ты прицепилась ко мне? – Наташа резко поднимается на ноги. Окатывает меня гневным разочарованным взглядом.

– Честно говоря, я думала, ты лучше... – выпаливаю слова, о которых потом пожалею. Но нервы сдают. Не думала, что один мой ребенок способен обидеть

второго.

– Это всё? Поговорили? – Ната вопросительно смотрит на меня темным взглядом. Дает понять, что на этом разговор закончен.

Старшая демонстративно уходит, за ней семенит Лера.

– Вон он! – визжит Алёна и бросается вправо.

Стремительно перевожу взгляд на огромного мохнатого кота. Не успеваю среагировать. Дочь хватает пушистика за хвост, и тут же получает когтистой лапой по щеке.

– Господи! – бросаюсь к дочке. – Не трогай его!

– Поздно, – шипит Марго. – Она ему всё утро жизни не даёт.

– Так это кот расцарапал младшую дочку? – ненависть к себе топит меня. Эмоциональный шторм, родившийся в душе, сносит с ног.

Отлавливаю Алёнку.

– Идем, обработаем твои ранки.

С готовностью откликается, бежит за мной, напевая веселую песенку.

Настроение у нее явно чудесное, в отличие от моего.

Со старшей отношения не складываются, так вдобавок к этому, я ее обидела.

– Глупая, Злата! – щипаю себя за бедро.

Проходят дни, но отношения со старшей лучше не становятся. С Ольгой и Марго избегаю общаться совсем. Разговоры с Олегом не приводят ни к чему также.

– Олежек, умоляю, отдай дочь, – прошу слезно.

– Посмотрим, – уклончиво отвечает.

– Скажи тем жадным мистерам, как только Наташе стукнет восемнадцать, она сможет распоряжаться землей, и все ограничения на продажу, наложенные Славой, будут сняты, мы отдадим им проклятое наследство бесплатно.

– Попробую, – пожимает в ответ одним плечом, бросая на мою фигуру плотоядный взгляд. – Скорее всего, ответ отрицательный... эти страшные люди хотят иметь в кармане гарантии, что земля не уплывет из их цепких лап. Впереди десять лет! Немаленький срок...

И за такими диалогами, не ведущими ни к чему, проходят дни.

Демида с нами почти нет. Он вечно куда-то уезжает, то на море, то на встречу с друзьями... С каждым днем его лицо становится более суровым и неприступным.

Злюсь на него. Особенно за то, что он ничего не рассказывает.

Грустно смотрю на мужа. Кажется, эта поездка съедает нас с мужем поездом.

Одна Алёнка не унывает. Уже научилась постоять за себя. Улыбаюсь, вспоминая сегодняшний мелкий инцидент.

Дочка находит радость во всём. Главная ее улада – съесть шоколадку, перемазаться ею от пят до ушей.

Я ее в этом счастье не ограничиваю.

Когда-то не отнимала это шоколадное веселье и у старшей.

Вот и сегодня Алёнушка вся вымазалась.

– Тебе не хватает хороших манер, – одергивает ее Ната, бросая взгляд «сверху вниз».

– Корону сними, а то собью! – шипит младшая, изображая руками лук со стрелами.

Еле сдерживаюсь, чтобы не рассмеяться от души.

Вечером этого же дня приезжает Демид. На этот раз его лицо искажено настолько, что он едва владеет эмоциями.

За ужином натягивает фальшивую улыбку, громко смеется, объявляет, что мы уезжаем через четыре дня.

Краем глаза замечаю, как напряженные плечи Олега расслабляются.

Надо же, как тяжело ему меня видеть!

– Девчонки, прогуляемся к морю? – весело щебечет Дем.

И я его не узнаю – слишком переигрывает. Даже Алёнушка смотрит на отца со страхом, чувствуя фальшь.

Муж обнимает меня за талию, берет дочь за руку. Идем к морю.

– Не оборачивайся, – шепчет Дем, – за нами следят.

– Шпионы? – шепчет дочка.

– Ага. Молчок, – прикладывает палец к губам.

– Золотой, у меня для тебя очень плохие новости. Улыбайся!

Сердце от страха падает в ноги. Руки и губы дрожат.

– Так вот. Как только мы приехали, я следил за девочками и Олегом...

– Зачем? – отказываюсь понимать мужа.

– Заметил, что «твой» Олег, – в голосе мужа сквозит ревность, – ведет себя не как папуля. В нем нет настоящей мягкости, нежности, которую испытывают к дочерям. Я сразу заподозрил, что что-то не так...

– Может, ты ошибаешься?

– Нет! Когда мужчина воспитывает дочь, он становится папулей.

– И? – сглатываю нервный ком.

– Я собрал материалы Олега и Наташи. Сдал их на ДНК-экспертизу.

– И?.. – губы нервно трясутся.

– Олег не является отцом Наташи... сто процентов из ста!

– Боже! – закрываю ладонью рот, чтобы не закричать.

– Мы должны вернуться и забрать ее! Немедленно!

– С ума сошла! Хочешь подставить и мою дочь? – шипит Дем.

– Прости... – из глаз бегут жгучие слезы. – Что нам делать?..

Глава 6

Злата

Демид уезжает, мы с дочкой возвращаемся в дом, который теперь напоминает обитель Зла. Жутко страшно. Не из-за себя, а из-за дочерей. Даже за Леру переживаю, всё-таки ребёнок. И попала девочка в этот дурной переплёт не из-за любви взрослых к детям, а потому, что безумно похожа на Наташу Чайкину.

Олегу нужно было прикрытие, вот Лера и история с ее потерянной двойняшкой оказалась ему на руку. Ясно-понятно, почему он удочерил именно эту девочку.

А малышка и рада, думает, настоящих родителей нашла. Как жалко. Безумно хочу выплеснуть гнев, вцепившись когтями в Олежкино наглое лицо.

Наблюдаю другими глазами за тем, как Олег общается с дочерьми, прихожу в шок.

Как же я не заметила раньше?!

Дем – мужчина, а сразу подметил, как холоден Олег с девочками. Будто вымещает зло на них, ненавидит за то, что вынужден играть роль, тратить драгоценное время, изображая заботливого отца.

Вечером укладываю утомленную Алёну спать, она тут же засыпает. Даже не просит рассказать ей на ночь сказку про орков.

Время еще детское, мне не спится. Очень хочу пить. Выхожу из комнаты, направляюсь на кухню. Прихожу в шок, когда меня хватают за локоть и тащат куда-то, закрывая рот огромной ладонью.

– М-м! – мычу нечленораздельно.

Крепкие мужские руки затапливают меня в комнату, бросают на диван.

– Олег, спятил? – с ужасом смотрю в горящие глаза бывшего.

– Ты же хотела обсудить будущее нашей дочери! Я готов.

Нашей? – воплю про себя. Мерзавец. Лгун!

– Да, хотела, – едва шевелю губами.

– Самое время. – Здоровенная широкоплечая фигура бывшего падает на диван рядом с моей. Жметя, совсем не оставляя мне места, лишая свободы движений.

Бедро Олега давит на моё. Ёрзаю, пытаюсь забиться в самый уголок, наивно полагая, что это меня спасёт.

– Так что? – с трудом беру себя в руки, – отпустишь со мной дочь?

– Подумаю... Зависит от твоего поведения...

Олег бесцеремонно лезет рукой мне под платье, трогает за бедро.

В мозгу рождается миллион мыслей, одна страшнее другой. Пытаюсь думать, включить логику, но не в состоянии.

Я в западне. В лапах матерого преступника, захватившего нас всех в плен своих неизменных алчных желаний.

Нервно кусаю губы, нельзя сейчас его злить. Надо играть в его игру по его правилам, чтобы избежать потерь с нашей стороны.

Злата, думай! Думай! Думай! – ору на себя.

Но из-за нервного урагана и черной дыры в рациональном мышлении, которую мне обеспечил этот гаденыш, убив моего мужа, и украв дочь, не в состоянии мыслить трезво, продумывать шаги.

Слишком многое сейчас стоит на кону.

Плюсуем сюда то, что я совсем не знаю планов мужа. Демид дал четкое указание – сидеть тихо. Обещал, что через два дня всё разрешится.

Два дня? На словах этот срок казался маленьким. Но на деле два дня покажутся адом, ситуация накаляется.

Я не могу! Не могу сидеть тихо!

– Злата, я тебя хочу, – раздраженный тон бывшего приводит в чувства.

Играй роль! – кричу на себя.

Утопаю в яростном гневе. Моё желание прибить мужчину так сильно, что еле держусь.

Играю – лучезарно улыбаюсь.

Олег продолжает натиски. Отчаянно стискиваю ноги. Мысленно зову на помощь.

– Прекрати, – убираю его руки с бёдер.

Я в двойном страхе. Кроме того, что боюсь взбесить Олега раньше времени, еще страшусь необузданной ревности сестры. Увидев нас вместе, Ольга точно убьет меня.

– Олег, мне нельзя. Из-за угрозы выкидыша врачи запретили секс, – вкладываю в голос всю мягкость и теплоту, на какие способна.

Мужчина теряет ко мне интерес, резко поднимается, идет к окну. Молча смотрит в темноту, думая о своем.

– Ты отпустишь со мной дочь?

– Нет секса, нет дочери! – гаденыш стремительно покидает комнату.

Меня всю трясет, а в животе неприятно тянет матку. Кладу ладони на нехорошо пульсирующий живот, молюсь.

– Господи, лишь бы всё обошлось!

Сердце колотится, грохочет как гром посреди грозного пасмурного неба, готового пролиться ливнем над моей семьей.

Никак не могу восстановить сбитое неровное дыхание. Будто от страха забыла, как дышать.

Твержу как мантру: – Дем сказал, нужно потерпеть пару дней. Противоречу мужу тут же: – Только вот забыл дать совет, как бы не сойти с ума за это время!

На трясущихся ногах иду к себе, с трудом преодолеваю коридор. В доме тихо. Все уже спят. С облегчением вздыхаю, думая о том, что никто не узнает о нашем ночном «разговоре».

– Злата, – нервный голос сестры выдергивает меня из темноты коридора. Вздрагиваю. Останавливаюсь

Делаю вид, что ничего не знаю, не понимаю. Просто прогуливаюсь по дому. Мало ли чего взбредет ночью в голову беременной женщине!

Ольга прищуривается, разглядывая меня.

Давлю вспышку гнева, когда ее колючий острый взгляд испарывает мой почти плоский живот.

– Снова беременна?! Ты как кошка! – врезает мне словами под дых.

Глотаю оскорбления молча.

– Пойдем, младшая сестренка, выпьем чайку, поболтаем.

Меня снова насильно ведут «поговорить». Подчиняюсь. Я здесь пленница.

Оля явно раздражена, но пытается скрыть это за действиями – достает чашки, разливает чай.

– Ты была у Олега?

Я готова провалиться в преисподнюю, лишь бы не общаться с Олей. Но не могу.

Она смотрит так, что понимаю, если хочу выйти отсюда живой, надо осторожничать, не нарываться.

Холодно.

Зябко.

Меня трясет.

Мечтаю выбраться из этого гадюшника, но понимаю, что именно я в ответе за четырех детей! Если с их головы упадет хоть один волос, не прощу себе.

– Была. Но это не то, что ты подумала. Я просила Олега отдать мне Нату.

Оля прищуривает наглые глаза, бессердечно улыбается.

– С какой радости? Ты же видишь, девочка тебя не любит. Она хочет, чтобы ты поскорее уехала!

Не верю! – кричу мысленно, сжимая челюсти так, что скрепят зубы, крошится эмаль.

– Олег – отец Наташи. У них прекрасные отношения, дочь желает жить с ним, – ехидно сообщает сестра.

Как же я тогда ошиблась!

Как могла поверить Олегу?

Ната – копия Славы!

– Мне пора, – поднимаюсь на ноги. Но не успеваю уйти, Оля материализуется возле меня, хватает больно за локоть.

– Убью, если увижу с Олегом!

Зажмуриваюсь. Делаю вдох-выдох, борюсь с желанием надавать ей оплеух.

За себя, за дочь, за Славу, за Леру.

Слышу щелчок дверного замка. Потом еще один...

Вздрагиваю. Резко оглядываюсь...

Оля в ужасе вскрикивает...

Одновременно в доме разбиваются несколько окон. Стёкла летят во все стороны, угрожая нанести вред.

Сейчас меньше всего боюсь порезаться. Есть проблемы серьезнее.

С ужасом гляжу на двух мужчин в камуфляже, ворвавшихся через окно в кухню.

– На пол, – орут на иврите. Ясное дело, не понимаю, продолжаю стоять. – На пол, – повторяют по-английски, ошарашивая приказом.

Покорно укладываюсь на холодный пол, думая о том, когда же закончится этот поганый день!

По всему дому слышится топот ног. То внизу, то наверху раздаются выкрики.

Страх за дочерей накрывает меня с головой, топит все доводы разума.

Пиф. Паф. На втором этаже раздаются выстрелы. И мое бедное сердечко замирает в ужасе.

Огромная сила эмоций отрывает меня от пола. Вскрываю с криком: – Мои дочери! – Ната! Лера! Алёна! – ору дико, выпучив глаза на Олю.

Вижу, что ей абсолютно безразлично, что происходит с детьми. Все ее мысли сейчас заняты только Олегом. Ради него она предала меня, собственную племянницу. Ради гаденыша пошла на преступления и моральную измену семье.

Дом резко погружается в неприятную тишину. Слышу ее скрежет каждой клеточкой души.

Наконец, разрешают встать.

– Злата, – в комнату вбегает муж.

– Демид, – поднимаюсь на ноги, вцепляюсь в руку мужчине. Меня всю трясет, не могу унять тремор.

– Малыш, всё закончилось. Их сейчас заберут, изолируют. Чуть позже экстрадируют в Россию. Всё! – гладит меня по голове.

В ужасе смотрю, как на руках Ольги защелкиваются наручники. Двое бравых ребят в камуфляже ведут ее на выход.

В холле уже собралась толпа полицейских. В центре черной безликой устрашающей массы вижу Олега и Марго, закованных в наручники.

Сталкиваюсь взглядом с женщиной. Ловлю его тяжелый ненавидящий распинающий меня взгляд, нервно сглатываю.

Перевожу взгляд на Марго.

Понимаю, что я вся клубок мощного огня, божьего возмездия для бандитской семейки. Готова спалить всех троих не только взглядом.

– Ненавижу вас! – кричу в голос. – Ненавижу! – голос срывается.

Господи, почему ты свел меня сначала с Олегом, и только потом дал Славу? Роковая встреча с первым мужчиной стоила жизни второму – любимому, чуть не отняла драгоценную дочь!

Мысли сбиваются стайками, образуя одну: – поскорее обнять девочек, прижать к себе.

Мощная фигура в черном приближается ко мне.

– Злата Чайкина, выражаем вам признательность. Вы оказали неоспоримую помощь в поимке опасной банды преступников, завладевших незаконно чужими землями в нескольких странах. В состав ОПГ входят и другие люди из разных стран. Сегодня будут задержаны все!

– ОПГ? – округляю глаза.

Боже мой! Дочка всё это время находилась в лапах организованной преступной группировки?

Ад!

Тошнит. Голова кружится. Меня качает от нахлынувшего понимания того, в каком капкане опасности держали Нату эти два паршивых года.

Крепкая рука мужа ложится на мою талию, поддерживает меня, чтобы я не рухнула под тяжестью полученной информации.

Задержанных выводят по одному. Полицейские следуют за ними.

**

Мы можем завтра же вывезти девочек в Россию? – вопрошаю у главного.

– Боюсь, так легко не получится. По документам дети не ваши.

– Как же? – нервно заламываю руки.

– Вероятно, кто-то из сотрудников консульства полетит с девочками в Россию. Там их поместят временно в детский дом в Воронеже, пока вы будете заниматься ходатайствами и документами. А с консулом я поговорю, дам ему

знать, что как мать, вы должны сопровождать Валерию и Алису.

– Спасибо, – жму загорелую теплую руку.

Едва дверь за стражами порядка захлопывается, как я тут же бегу в комнату Алёны.

Открываю дверь с ноги. Пусто.

Перепрыгивая через ступеньки, поднимаюсь на второй этаж, вламываюсь в комнату Леры и Наты. Резко останавливаюсь у порога.

Три доченьки сидят, прижавшись друг к другу. Маленькая ладошка Алёнки покоится в руках Наташи, а ладошку старшей дочки сжимает... новая дочка Лера.

На полу сидит заплаканная няня.

– Мама! Мамочка! – вскрикивает Наташа, срывается с места, бросается ко мне.

На автомате присаживаюсь на корточки, открываюсь для объятий. Едва дочка попадает в них, как я сцепляю руки вокруг ее стройного тела настолько крепко, что где-то в моем плече раздается хруст.

– Наташа, – прижимаю дочь к себе. Плачу. Не могу говорить. – Зацеловываю ее лицо. Дышу ею жадно. Веду кончиком носа по коже, волосам.

– Мама, я так боялась за тебя. Оля говорила, что убьет тебя и Алёнушку, если я буду любить тебя, и ты вдруг захочешь меня увезти. Она заставила меня плохо вести себя, чтобы ты не полюбила меня.

Дочка лопочет, и от ее мягкого полусшепота, от тепла, исходящего от неё, пульсирует в мозгах. Нахожу ее маленькую теплую ладонь, сжимаю в своей.

Плачем вместе.

– Забери нас, мама, – тихо шепчет дочка. – Ты ведь Леру не бросишь? Она моя сестра!

Моргаю, чтобы стряхнуть слезы с ресниц. Заглядываю в невероятные карие глаза с черными чаинками. Самые чистые невинные глаза на свете. Понимаю, насколько напугана и одинока была моя кровинушка всё это время. Все мои горести и проблемы, испытанные за два года, тут же превращаются в несущественную пыль.

Вытираю пальцами слезки с ее шелковых мокрых щечек. Глажу кудряшки Наташи, цепляюсь подушечками пальцев за рыжие озорные завитушки.

Выдыхаю облегченно. Всматриваюсь внимательно в каждую черточку ее лица. С бесконечной радостью гляжу на дочь – она такая же, какой была в детстве.

Растерянно смотрю на застывших дочерей – Леру и Алёну.

– Идите к нам! – зову малышей.

Бросаются с готовностью. Лера обнимает меня за спину, а Алёнушка обвивается вокруг старшей сестры Наташи.

Ловлю нежное прикосновение ее пальчиков к своей щеке, и материнское счастье затапливает меня.

Громко смеюсь. Дочери смеются в унисон. Лучшая музыка на свете – смех дочерей.

В их теплых крепких объятиях тает всё плохое, что произошло за два года. Будто стирается ластиком судьбы.

– И ты иди! – зову Демида.

Обнимаемся пятером. Хотя... уже шестером.

Выдыхаю облегченно. Всё позади. И от поганой земли удалось избавиться! Документы были изъяты израильской полицией.

Теперь мои дочери будут проживать свои жизни со мной! Со мной!

Готова подарить им свою душу, жизнь. Готова связать им счастливые жизни из нитей, распустив на бесценные нитки свою собственную.

– Боженька, спасибо! – стискиваю руки у груди.

Глава 7

Месяц спустя

Злата

Забираем дочек из детского дома, привозим домой – в квартиру Демида, оставленную ему родителями, живущими за рубежом. Своё жильё я выставила на продажу, жду покупателя.

Мы уже нашли загородный дом, собираемся внести первый взнос. Через пару месяцев планируем переезд.

Пока абсолютно непонятно как жить впятером в одной квартире. Хочется верить, что справимся. По сравнению с тем, что мы пережили, это всего лишь временные преодолимые трудности.

– Теть Тань, у нас для вас одна хорошая новость, вторая – плохая, – выпаливает Демид как на духу, разговаривая по телефону с няней Алёнки.

– Говори уже!

– Вы скоро станете трижды няней!

– Поздравляю! Как скоро?

– Да, вот сегодня и станете!

Трубка отключается.

Ясно-понятно, Татьяна Ивановна уже бежит к нам.

– Зачем ты так с ней? – смеюсь, присаживаясь к мужу на колени.

– Чего оттягивать неизбежное? Пусть собирает нервы в кулак.

Обвиваю шею мужа теплыми руками, зарываюсь носом в его мягких русых волосах.

– Демчик, завтра узнаем, кто у нас, – шепчу пересохшими губами.

Встряхивает русой копной, глядит на меня по-щенячьи.

– Золотой, мой, ты уж постарайся, чтобы мальчик. А? У нас уже есть три девчонки.

– Постараюсь, – целую мужа в нос.

На следующее утро муж уходит на службу. Мы с тетей Таней сидим на кухне пьем чай, болтаем. Ну как болтаем? Рассказываю ей страшную историю своей жизни, упуская некоторые весьма важные детали. Не дай Бог расскажет во дворе по доброте душевной.

А двор у нас именно такой – душевный. Все знают всё друг о друге.

– Девочки, идите к нам. Познакомлю с няней!

Одновременно прибегают втроем, выстраиваются в рядочек как солдатики на плацу.

Семилетние Наталья и Валерия – две рыжие красавицы, одна с миленькими кудряшками и тонкой фигуркой, вторая с прямыми волосами, более сбитая.

Уравновешивает солнечный рыжий дуэт хрупкая пятилетняя блондинка Алёна, с застывшим в глазах счастьем. Дочка до сих пор не может поверить, что у нее появились близкие подружки для игр. Не надо днями напролет смотреть двадцать четвертый канал и гадать на ромашках, выясняя, любит ли ее хоть кто-то. Облегченно вздыхаю, что она не начала гадать по-настоящему с применением свечей и спичек.

– Ей богу, матрёшки! – смеется няня.

– Точно, матрешки, – смеюсь в ответ, глядя на трех девчонок выстроившихся по росту.

– Я тут место забила в детском саду для Алёнки, – мягко сообщает няня. Может, отдадим на год?

– Нет! Я останусь дома с сестрами.

– Милая, девочки в понедельник пойдут в школу. Тебе будет скучно. Давай в садик? – упрашиваю дочку.

– Нет! – таращит на меня голубые глазёнки.

– Алёничик, за мной! – приказывает Наташа, и младшая бежит вприпрыжку за старшей.

Переглядываемся с Татьяной Ивановной, пьем чай дальше. Ждём, чем закончится история.

Через пять минут Алёнка забегает на кухню, бухает ручки мне на колени.

– Мамуль, я иду в садик!

– Хорошо, – киваю как пони.

– Щас! – требует с меня, ловит за руки, пытаюсь стащить со стула.

– Детка, нам надо еще справки всякие собрать на тебя. Так сразу не получится.

Нахожусь в шоке. Плюс, немного завидую. Ни мне, ни Демиду не удалось уговорить блондинку отправиться в садик, а Наташа справилась с этим за пять минут. Похоже, у старшей дочери талант убеждать людей. Горжусь ею.

Из нее бы получился отменный менеджер-продажник, руководитель, психолог. Но уже поздно выбирать профессию, дочь решила стать балериной. Горит этой целью как факел.

С пяти лет моя кроха занимается балетом. Воплощает в реальность Ольгину мечту.

Тяжело вздыхаю, думая о том, в какую танцевальную студию отдать дочь? Но это так, только чтобы перебиться. Основная проблема не решается.

Наташа грезит карьерой профессиональной балерины.

Что дальше?

Ответ очевиден! Мне придется молиться, и возить ее через весь город, чтобы дочь передумала, а ей танцевать и проходить бесчисленные конкурсы в балетные академии, школы, в училище.

– Бррр! – яростно мотаю головой.

Радуюсь, что Алёнка и Лерка еще не выбрали профессию, ради которой мне придется реально побегать уже сейчас.

Похоже, на своей карьере придется поставить большой жирный крест.

От всех этих переживаний тянет живот. Тут же вспоминаю, об УЗИ.

На следующее утро беру трёх матрёшек, везу в поликлинику за справками для школы и детского сада. Дочки абсолютно здоровы, я счастлива. Падаем в машину, едем в женскую поликлинику на УЗИ.

– Заходим, – подталкивают трио в спины, пропихивая их в кабинет впереди себя.

– Удальцова, когда успели так размножиться? – смеется врач. Тут же показывает детям на кушетку.

– Занимаем места в плацкарте.

Две рыжие матрешки и одна беленькая занимают места на кушетке.

– Сидеть тихо, не бегать, – команду, отправляюсь за ширму.

Раздеваюсь, стелю пеленку, ложусь. С трепетом жду вердикта. Горю желанием узнать пол ребенка. Вдвойне горю, зная, что на другом конце города, муж ждет эсэмэску.

– Пусть это будет мальчик, – молю врача. Женщина в белом халате водит датчиком по моему округлившемуся животу, внимательно глядит в монитор. Хмурится, светлые брови ползут на лоб.

– Что там?! – нервно закусываю губу.

– Не мальчик!

– Девочка? – с трепетом интересуюсь. Я буду счастлива иметь еще одну блондинку Алёнку. Уверена, что Дем тоже. А мальчиков нам нарожают наши девчонки, – успокаиваю себя.

– Нет, не девочка!

– Кто же тогда? – приходит моя очередь удивляться. Приподнимаюсь с кушетки, тянусь носом к монитору.

Заметив мои потуги, врач поворачивает ко мне экран монитора, показывает пальцем:

– Мальчик...и мальчик. Близнецы, мамочка!

– А-а! Да-а! – кричу радостно. Меня поглощает радость, умноженная на два.

– Спасибо вам! – поднимаюсь, дарю женщине широкую улыбку.

– Мне-то за что? Мужа благодарите!

Одеваюсь, забираю протокол УЗИ и матрешек. Едем домой.

Обуреваемая радостью, забываю позвонить и написать мужу, поэтому к нашему возвращению, через магазин, Демид уже встречает нас дома с четырьмя букетами белых хризантем и огромным тортом.

– Кто-кто-кто? – бегают за мной по квартире, пока я переодеваюсь.

Не выдерживает, хватает меня за талию, валит на кровать. Зацеловывает лицо, ключицы, грудь.

– Мальчик?

– Нет! – смеюсь громко.

– Девочка?

– Нет! – хмурюсь фальшиво.

Отстраняется от меня, замирает в неподдельном страхе.

– Тогда кто? – его губы трясутся от страха.

– Два мальчика! Близнецы!

– Да-а! – орет, как оглашенный, снова бросается на меня с поцелуями.

– Ты куда? – пытаюсь поймать мужа, скатывающегося с кровати. Вижу, его серьезно бомбит. Накрыло мужика.

– Щас, подожди, Малыш, – хватает трубку, куда-то звонит.

– Мама, немедленно собирайтесь. Возвращайтесь с папой домой. Зачем?! Затем, что у вас скоро появятся еще два внука. Да! Мальчики. Близнецы! Хочешь, чтобы мы назвали детей в честь дедов – Матвеем и Тимофеем? Согласны. Условие одно – вы возвращаетесь, помогаете Злате воспитывать пацанов. Почему не я? У меня служба!

Дем отключается, снова ныряет ко мне на кровать.

– Приедут? – вопросительно заглядываю в бирюзовые теплые глаза.

– Через пару месяцев.

– Здорово. А то мне уже страшно. Пять детей...Демчик, – глажу мужскую крепкую грудь, – вдруг мы не справимся?

– Справимся! Было бы с чем!

В понедельник отвожу старших в школу, младшую в детский сад.

На душе легко и тепло. Главное, свободно. Заезжаю в ближайшую Шоколадницу, заказываю кекс, зеленый чай. Наслаждаюсь жизнью.

Через тридцать минут возвращаюсь домой. Замечаю что-то желтенькое в почтовом ящике. Открываю серый ящик, в руки падает толстое письмо в плотном конверте.

На конверте написано лишь имя «Наташе Чайкиной».

Сердце неприятно бухает, пульс бьется в висках.

Стремительно поднимаюсь домой, бросаю Тане: – Привет, – закрываюсь в комнате Алёны. Трясущимися руками вскрываю конверт, высыпаю содержимое на стол.

Толстая зеленая пачка долларов. На ней малюсенький листочек:

«Доля Наташи».

Какая доля?! – бью кулаком по столу. Мы всё отдали государству. Наташа больше не наследница.

В слезах поднимаюсь со стула, бегу в душ.

Возвращаюсь. Хватаю пачку, несу к мусоропроводу.

Не надо! Не хочу! Надо сжечь! Выбросить! Избавиться! Забыть! Вычеркнуть из памяти прошлое!

Неприятно тянет в животе. Пацаны напоминают о себе.

– Матюша, Тимоша, успокойтесь, – глажу живот.

Кусая губы, заталкиваю пачку денег в лифчик, возвращаюсь в квартиру. Набираю знакомого риэлтора:

– Артур, привет, готова внести деньги за дом сегодня...

– Приятный сюрприз. Злата, жду вас в офисе для оформления документов.

– Буду через час.

Злата

– Дорогой, родители Славы одолжили нам крупную сумму денег. Я внесла их сегодня за дом, – сообщаю любимому вечером.

– Серьёзно? Вот это щедрость. Когда отдавать долг?

– Как только продам квартиру, верну.

– Хорошо, – целует меня в щеку. – Безумно устал. Можно полежать, посмотреть футбол?

Бросаю на мужа тоскливый взгляд. Иногда, кажется, что он отдаляется от меня как от женщины.

Как только в нашем доме стало многолюдно, и женский коллектив превзошел мужской многократно, Демид начал защищаться. Сбегать от нас, проводить свободные часы с телевизором, компьютером. Обидно немного. Мне тоже бывает тяжело. Чувствую потребность в одиночестве и покое, но потом вспоминаю, что я ответственна за трех девочек.

И баста! Желания исчезают в тот же миг. Не могу позволить себе лежать на диване, смотреть сериалы.

Слава Богу, есть няня Таня, которая не бросает нас, пока мы живем рядом.

Спустя два месяца переезжаем в новый дом.

Переезд – это нескончаемый кошмар. Переезд с тремя детьми – это кошмарище! На нервах все домочадцы, даже Алёнка. Напряженность не снимают даже помощники, нанятые для перевозки мебели, сборки и разборки вещей.

Правильно говорят, один переезд равен двум пожарам.

С криками, визгами, потеряв пачки нервов, всё-таки переезжаем в новый красивый дом.

В двухэтажном доме места хватает всем. Наши комнаты расположены на втором этаже.

– Девочки, ваши хоромы, – показываю Лере и Нате общую большую комнату.

– Как же я? Меня забыли? – Алёнушка вцепляется в мой локоть.

– Детка, у тебя отдельная детская комната. Своя, собственная!

– Не хочу! Я буду жить здесь, – бежит занимать кровать Наташи.

– Так не пойдет. У сестер другой режим, они – школьницы!

– Мам, да ладно, пусть первое время поживет в нашей комнате, – ставит точку на споре Наташа.

Мне не нравится, что она для Алёны стала главнее, чем я. Но конфликта избегаю, соглашаюсь: – Пусть поживет...

Направляюсь на выход. Оборачиваюсь.

– Наташа, у меня для тебя подарок, – зову дочь за собой.

Встряхивает рыжей копной и грациозно следует по моим пятам. Сестры как тени бредут за ней.

– Открывай, – показываю глазами на дверь в тайную комнату на первом этаже.

– Что там? – яркие искры заинтересованности вспыхивают в карих глазах.

Не выдерживаю напряжения, толкаю дверь рукой сама.

Яркий свет, льющийся из окон, освещает огромный танцевальный зал.

– Это для меня?! – дочь делает несколько невесомых шагов. Вылетает в центр зала, крутится вокруг своей оси, любуясь собой в зеркалах. – Ау! – кричит, и эхо разносится повсюду. – Идите ко мне! – зовет сестер. Бегут.

Фотографирую любимое трио.

– Мамочка, иди к нам.

– Куда я такая? – не хочу маячить во всех зеркалах разом, но покорно следую в центр зала.

Неведомая рука разворачивает меня к зеркалу. Сначала смотрю на свою смешную пузатенькую фигуру, затянутую в красное трикотажное платье. Затем мой взгляд перемещается на дочерей.

– Мы такие красивые! Рыжее трио и блондинка!

– Я тоже хочу быть рыжей, – кричит Алёнка, и мы хохочем.

Снимаю наше веселье на видео.

Девчонки дурачатся, убегают из танцевального зала.

А я остаюсь одна. Сползаю обреченно на пол, обнимаю колени руками и плачу.

Знала бы хоть одна живая душа, каких сил мне стоило пойти на то, чтобы собственными руками снова отдать свою дочь... лишиться возможности видеть ее каждый день.

Заставляю думать себя о Наташе, видеть в ней, прежде всего, человека, а не дочь...

У девочки есть мечта – стать профессиональной балериной. Хореографы в один голос твердят, что ребенок талантлив.

Считаю своим долгом привести ее к пьедесталу почета.

Грезит ли дочь исполнять партию Одетты из «Лебединого озера» или Жизели из балета «Жизель» я должна пожертвовать своим общением с ней. Должна оторвать малышку от себя снова, отдать ее в хореографическое училище.

Я уже горжусь, представляя рыжую изящную красавицу на сцене Большого. Моя девочка будет воплощать в жизнь трепетные, прекрасные истории любви, наполненные препятствиями, подстерегающими влюбленных.

Сердце неприятно ёкает.

Хочется верить, что у моей нежной малышки в жизни всё сложится по-другому. Ее любовь не будет иметь ничего общего с историей любви наивной Жизель, которую предал Альберт. И она не превратится в мстительную, жестокую женщину.

– Мама, – теплая рука касается моих ладоней.

Убираю руки с заплаканного лица.

– Ну что ты! Я могу не уезжать в училище. Чёрт с ним! Не стану балериной. Ну и что? Стану кем-нибудь еще, – карие глаза с черными чайнками глядят на меня с бесконечной любовью.

– Моя жемчужинка, ты обязательно станешь второй Майей Плисецкой!

С трудом поднимаюсь на ноги, хватаюсь за поясницу.

– Я бы полежала немного...

Спустя четыре месяца

– Воды отошли, – сообщаю своим прямо за завтраком.

– Воды! – для них как сигнал к действию. Бегают по дому как роботы, собирают маму в больницу.

– Вы мне только не звоните, я сама. Как только рожу, наберу. – Целую детей по очереди в озадаченные макушки.

Демид отвозит меня в ближайший роддом.

– Может, я здесь подожду? – спрашивает на полном серьёзе.

– Езжай на работу! Нам деньги нужны. Неприлично много, – округляю глаза. – Когда твои родители приедут? Няню накладно содержать, а поддержка очень нужна.

С помощью мужа, еле выбираюсь из машины.

Я неповоротливая как медведица, и такая же сварливая.

– Завтра прилетают, – оправдывается Дем. Напряженно смотрит на меня.

– Расслабься, я уже рожала. В этот раз тоже справлюсь.

Продолжает глядеть с недоверием.

– Сейчас обижусь!

– Прости! – встряхивается. Натягивает на лицо безразличную улыбку.

– Твои мальчишки в сохранности! – широко улыбаюсь, и ту же складываюсь с криками: – А-А-А!

Вцепляюсь мужу в руку мертвой хваткой.

Забыла немного, какими неприятными и болезненными бывают схватки.

Глава 9

Год спустя

Злата Удальцова

– Мама, пожалуйста, заberi Тимочку, отвези на прием к педиатру, – прошу у второй мамы. – Пусть посмотрит ушко. Сынок жалуется.

– Ой, Злата. Ты же знаешь, не разбираюсь я в твоих близнецах.

– Мам, специально для тебя прошу девчонок одевать их по-разному. Матвей всегда в зеленом, Тимофей в синем! Няня Вика проследит.

Родители Демида вернулись в Москву, как только у нас родились близнецы Тимофей и Матвей. Не знаю, проснулась ли в них совесть, любовь к внукам, или на них надавил сын – майор полиции Удальцов. Но они вернулись!

В, любом случае, для меня – многодетной матери с пятью детьми это огромная поддержка.

– Хорошо милая, отвезу.

Этим же вечером сидим на веранде большого дома в огромном семейном кругу.

Дочери выстроились в ряд как матрешки. Девятилетние Валерия и Наталья – две рыжие красавицы, одна с миловидным лицом, миленькими кудряшками и эгоистичным характером, вторая с прямыми волосами и дерзкими манерами. Уравновешивает «не сладкий» дуэт хрупкая семилетняя блондинка Алёна, с застывшими в глазах слезами.

– Кто расскажет первый, что здесь произошло?! – гневно свожу брови, но голос не повышаю.

Лера и Ната переглядываются между собой, хихикают. Алёнка стоит, потупив глаза в пол.

– Кто придумал розыгрыш? Спрашиваю в последний раз! Лишу приставки на месяц!

Лера выходит вперед, признаётся в содеянном.

Рассказ Леры

– Алёнка, бабушка приехала за Тимкой. Одень его! – дает указание Наташа, залетая в детскую к младшим братьям.

Голубоглазые мальчуганы, играющие в кубики, бросают на сестру радостный взгляд, вопящий: – наконец-то, новое лицо, а то уже устали от лица очередной няньки.

Алёна скашивает глаза на рыжую бестию.

– Почему я? Вы уже вернулись из школы, теперь ваша смена нянчить спиногрызов! – обиженно кусает пухлые губки.

– Мы – вечерние няньки, ты дневная. В чем сложности? Пойдешь в школу в этом году, станешь взрослой, получишь привилегии как мы, – Наташа бросает темный карий взгляд на младших отпрысков. Очерчивает взглядом комнату.

– Ни в чем! – стискивая кулаки, Алёна решительно идет к шкафу, выуживает из него синий комбинезон.

– Тимоша, иди ко мне...

– Я как приличная сестра должна помочь, – в комнату залетает запыхавшаяся Лера. Иди, тебя бабушка зовет.

Едва Алёна скрывается за дверь, как тут же появляется Ната.

– Бабушка точно не распознает, что мы подсунули ей не того внука?

Тряхнув рыжими кудряшками, Ната смеется, запрокинув голову.

– Сработает! По рукам! Изящная подставка!

– Пожалуй, – бормочит нерешительно Лера.

– Ежкин кот! Бабушка идет. Давай быстрее!

– Всё! Дальше можешь не рассказывать, – обрываю старшую дочь.

Мой взгляд бежит по лицам Наташи и Валерии. С виду милые, рыжие девчушки на самом деле не такие простые, какими прикидываются.

Еще один подобный шаг и в глазах бабушки дурная репутация закрепится за ними навсегда. Обидно за дочерей.

Взгляд перепрыгивает на Алёну.

Хлопает огромными небесными глазами, не говорит ни да ни нет. Но мы взрослые прекрасно понимаем, явно старшие няньки устроили розыгрыш бабушке, отдав ей не того внука.

Лечащий педиатр сразу определил, что ему подсунули не того Удальцова.

Этот весит больше на двести грамм, есть родинка на запястье. Только вот свекровь теперь обижена до глубины души. Ее уязвленное самолюбие жаждет, чтобы мы наказали дочерей, устроив им выволочку.

– Лера, Наташа, наказаны. Ваши шутки перешли все мыслимые границы! – на нервах расцарапываю собственную руку ногтем. – Понимаете, что такие

розыгрыши могут привести к непредсказуемым последствиям?!

Вцепляюсь взглядом в старших матрешек. Жду ответа.

– Клянусь макушкой Тимофея, что одевала его! – неожиданно Лера дает задний ход в показаниях. Трясет рыжей копной для правдоподобности.

– Ты – мозг операции? – упираюсь взглядом в среднюю дочь.

– Не я! – огрызается Наташа.

Мои глаза переkreщиваются с карими глазами дочери. Чем дольше гляжу в них, тем больше кажется, что в них плавают волшебные чаинки. Смотрит на меня глазами полными печали. В сотый раз не выдерживаю, прощаю дочь.

С меня мигом слетает гнев, вызванный неповиновением дочерей.

Если до этого мне было жаль мать Демида, то сейчас злюсь на нее.

В конце концов, это ее вина, что она не разбирается в собственных внуках! И моя, – признаюсь себе нехотя. Надо было научить ее.

Со смехом вспоминаю, как собственный отец не мог различить мальчишек.

В первые недели он брал сыновей на руки и спрашивал на полном серьезе: – Ты кто?

Конец ознакомительного фрагмента.

Купить: https://tellnovel.com/regina-yantarnaya_/prtvoris-nashey-mamoy-docheri

надано

Прочитайте цю книгу цілком, купивши повну легальну версію: [Купити](#)